

условие реализации своих прав каждым человеком обуславливает одновременно и ответственность. Каждый человек обязан соблюдать законы, которые ограничивают степень его свободы настолько, насколько не происходит покушения на права других людей.

*Ассистент кафедры гуманитарных наук
Омского Государственного Аграрного Университета
С. В. Колычева
Омск*

ПРОБЛЕМА ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ В ФИЛОСОФИИ Г. МАРСЕЛЯ

Марсель, как представитель католической ветви христианского экзистенциализма, глубоко исследовал феномен отчужденности в кризисные периоды цивилизации. Рассматривая проблему взаимодействия индивидов в массовом, разобщенном обществе, он предлагает свой способ преодоления отчужденности – феномен интерсубъективности, которая предполагает гармоничное развитие взаимоотношений с близкими людьми на основе трансценденции. Он анализирует дегуманизирующее влияние общества на личность и ее творческий потенциал. Он ищет причины возникновения неподлинных и отчужденных граней человеческого Бытия в исторических формах. Средством, противодействующим таким феноменам, он считает возрождение сакрального измерения, которое истощилось от тотальных болезней века. Он выявил проблему кризиса индивидуальности и проблему межсубъектного и полисубъектного общения, которое должно быть основано на толерантности. Возможно ли сосуществование социума, погруженного в пороках, и целостной личности в период переходных и кризисных периодов цивилизации? Человек в такие исторические периоды, по Марселю, теряет свое Бытие. Рождается образ человека-странника, который ищет новое место в потоке всемирной истории. Это образ путника, идущего навстречу «новой заре», просыпающейся в человеческих душах в поисках «сакрального измерения». Подобный образ не раз возникал в истории развития философской мысли. Это не случайно похоже на символ пути в Даосизме, что означает

восхождение и самосовершенствование Духа в противовес всем катаклизмам общества и катастрофам жизни. Об этом же говорил Тойнби, когда утверждал, что в любом распадающемся обществе, то есть обществе в период его кризиса, возникает ответная реакция на внешне давящее социальное воздействие – философия невозмутимого безмятежного Духа. Такую стадию в развитии цивилизации в период ее кризиса А. Тойнби назвал стадией «Ухода-и-Возврата». Марселевский «человек-странник» (*Homo viator*) – это асоциальное существо. Он ищет звено сцепления личности с временным становлением социального мира. Этой цели призвана служить добродетель верности, которая активна и противоположна инертности. Марсель призывает к верности духовной традиции. Традиция предстает в истории культуры в виде ценностных стандартов, порожденных материальным Бытием. Вся философия Марселя направлена против научно-материалистического подхода к проблеме социализации личности, ее определенности историей. Все законы, действующие в общественной жизни, заранее обречены на статус «неподлинного» Бытия, которым противостоит духовно-ценностный комплекс исторической традиции. Он принадлежит подлинному измерению, подлинным граням Бытия, онтологически заданным, которые связывают воедино живую ткань истории.

Дух абстракции у Марселя становится главным фактором всех бед, диверсий европейской культуры постренессансной эпохи. Общество XX века приобрело характер массового, где произошел разрыв жизненных уз, деградация человеческого. Г. Марсель считает массы наиболее типичным, значимым примером абстракции, которая становится практической силой и властью. Человек массы живет в царстве социальных отношений, лишенных личностного измерения. Он – функция среди атомизированных граждан. Его ценность измеряется его функциональностью. Человек стал совокупностью функций. «Человек массы» представляет противоположность духовно-гармоничной личности, так как безответственен за сохранение мира, потому что сам выброшен из него. Бездомная личность, потерявшая кров, мстит за преступления, проделанные над ней, которые сделали ее «социальной калекой», то есть социально невостребованной. Личность в таком дегуманизи-

рованном обществе потеряла себя, как высшую ценность. Государство Левиафана породило «тоталитарного универсума», которого можно применять как винты и рычаги в функционировании государственной машины. Вследствие этого у личности произошла атрофия чувств. Почувствовав себя винтом, она увидела возможность действовать на государство и со своей стороны. Она почувствовала право вредить и ломать функции государства, так как она одушевленная сущность, а не вещь, то есть она имеет право на свободу самовыражения. Возникла доведенная до «края социальной пропасти» личность, восставшая на деструктивные силы эпохи. Общество породило массовый тип обездоленного, лишенного собственного жизненного мира «человека из барака», который является собирательным типом человеческого существования. Марсель трактует его так: «Это существо с оборванными жизненными связями. Между тем человек существует как человек лишь благодаря глубоким привязанностям к другим... Душевные нити, связывающие человека с его окружением в силу привычки, чувством «у себя», нельзя оборвать безболезненно. Лишения в этом измерении умерщвляют человека духовно и, с течением времени, физически, так как обездоленный, лишенный собственного жизненного мира человек становится неизлечимо больным индивидуумом, не способным на целостное, гармоничное существование и общение с другими индивидами». Но человек в мире, по Марселю, должен быть «у себя», сохранять «в себе-и-для-себя-бытие». Марсель ищет возможность «неотчуждаемости от человека той жизненной среды, где он «у себя», без которой он не мыслит свое укоренение в онтосе. Он должен проявить свои экзистенциально заданные возможности.

Альтернативу «человеку массы» Марсель видит не в ренессансной индивидуальности, а в «персоне», усматривающей свой аристократизм в принадлежности к «группе избранных». Персона немыслима без отношения к другому, это столь же важно, как и отношение к самому себе. Фундаментом понятия «персоны» является не субъект, а субъективность, которая тяготеет к образу монады. Должна возникнуть «меж-» или «интерсубъективность», которая проявляется в тяготеении к модели узкого кружка общающихся людей. У Марселя

происходит «размыкание» романтического субъекта, который не мог ограничивать себя диалогом с абсолютным субъектом «Я», похожим на монолог, и должен предстать в виде персоны, стремящейся к связи с абсолютом общения среди подобных ей людей, разделяющих те же самые «ценности». Марсель видел в этом единственную возможность преодоления «атомизирования» индивидов, избегая тенденции впадения в «омассовляющий коллективизм». Такое общение узкого круга людей Марсель рассматривал как некоторый род священнодействия, как причастие (*communio*), в котором причащение людей друг другу неотделимо от их соборного причащения общих для всех ценностей, и наоборот: причащение ценностям, объединяющим данную группу, неотделимо от причащения индивидов, ее составляющих. В этих координатах идеалы и ценности, разделяемые людьми, не рискуют превратиться в абстракции, как они с неизбежностью превращаются, когда попадают в орбиту деятельности технократического общества, использующего их в целях манипулирования «массовым сознанием». Только в атмосфере подобного общения раскрывается «истинная глубина» духовного содержания, с которым имеют дело люди, объединенные общими идеальными устремлениями. Оно выражается в форме «универсалий», диаметрально противоположных «абстракциям», поскольку в «универсалиях» дух не лишается своих персональных черт и воистину может быть предметом любви. «Лишь в лоне ограниченных групп, одушевленных единым духом любви, универсальное может фактически обрести форму», – на основе чего возможно действительное развитие духовной культуры. Но Марсель ощущает зыбкость и незащищенность своей философской позиции, так как видит, что все попытки улучшить атмосферу для спасения культуры своими философскими размышлениями не приводят к реальным результатам.

Интерсубъективность или полисубъектность должна включать не только близких, но и дальних, в том числе «людей массы», которых критикует, и от которых хотел бы избавиться Марсель. При элитарном толковании интерсубъективности узкие группы общающихся людей, возникающие в рамках «массового общества», предстают как один из полюсов этого же общества, связанный с другим его полюсом – человеком

массы, и пребывают в негативной зависимости от него. Не будь «человека массы», элитарный человек лишился бы своего определения. Универсальность, к которой стремится Марсель, но которую не может достичь, могла быть обретена лишь на основе «массового» и «элитарного» полюсов общества. Это предполагает новый взгляд на интерсубъективность, которая должна служить фундаментом как личности в современном обществе, так и всех остальных структурных характеристик персоны. Марсель разделяет людей на аристократию и всех остальных. Человек группы обладает самосознанием, человек массы не обладает. Это позволяет ему создать иерархию общества.

Критикуя массовое общество, Марсель считает, что единственной гарантией человеческой свободы и развития самосознания личности является связь индивида с трансцендентным, то есть тем, что находится за границами «мира вещей», от которого не в силах отрешиться «массовый человек», видящий в нем все начала и концы своего бытия. В фокусе этой связи конституируется внутренний мир индивида, он как личность.

В противоположность хайдеггеровской трактовке Бытия, «Вот-Бытия» (*Dasein*) как «бытия-при-смерти», которое не тождественно индивидуальному существованию и изначально включает в себя существование любимых людей, Марсель противопоставляет ему альтернативное понятие «Бытия-противно-смерти» (или вопреки-смерти – *zum Tode sein*), которое ориентировано на существование близких людей. Марсель находит у Хайдеггера солипстическую поглощенность человека собственной смертью и забвение того, что смерть любимого существа для человека бесконечно весомее, чем собственная. Но он разделяет точку зрения Хайдеггера, согласно которой человек – есть «пастырь бытия», охранитель онтологически данного. Марсель, в отличие от Хайдеггера и Сартра, для которых смерть стала естественным завершением экзистенциальной драмы человеческого существования, выделил смерть близкого, как факт истинного трагизма человеческой участи, смерть ближнего, а не мысленное предвосхищение собственного конца. Поэтому оценивать себя в тотально-отчужденном мире становится возможным только с помощью

любви близких людей, а по-настоящему любить – значит говорить другому: «ты не умрешь, это невозможно». Трагическая мудрость в эпоху «абсолютной необеспеченности человеческой экзистенции» принадлежит к области внутреннего, сокровенного знания. Но общество способно истреблять его. Необходимо сохранять «у-себя-(самого)-бытие» – «Bei sich sein», где «Я» возвращается к единству с самим собой, на основе чего может происходить диалог, как основа и гармоничное сосуществование других субъектов.

Таким образом, Марсель попытался проанализировать проблему меж- и интерсубъективности, и пришел к выводу, что в ее основе должна быть социальная, духовная и морально-этическая толерантность, способная вывести социум XX века из кризисной ситуации, деградации и тотальной дегуманизации в условиях дезинтеграционных процессов цивилизации.

*Преподаватель Глазовского филиала
Ижевского Государственного Технического Университета
Б. В. Рейфман
Глазов*

«РАЗЛИЧИЕ» КАК «ЦИТАТА» ИЛИ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» КАК «ПРОЕКТ»

Я задаю себе вопрос, который назрел не только «во мне», но стал тривиальным, а значит, риторическим: кто более тоталитарен – «новый Философ» Андре Глюксманн или полковник российской армии Юрий Буданов? Тот же самый вопрос: что более тоталитарно – движение против глобализации экономики вкупе с «Green peace» или движение талибов?

Этот вопрос – риторический, потому что сегодняшний «экзистенциал» – а коль скоро мы не считаем, как считал Рене Генон, перманентно длящееся со времен античности европейское «осевое время» аномалией, то мы должны признать существование (психологическое «существование» определенных действительных установок) определенных «экзистенциалов», наиболее фундаментальных для того или иного времени социальных кодов – так вот, сегодняшний «экзистенциал» – это ориентация, прежде всего, на проектирование